

человек
и его дело

РАДОСТЬ СВИДАНИЯ С БАРИЯТ

МОСКВА давно знакома с Барият Мурадовой. В дни декады дагестанской литературы и искусства, которая проводилась в 1960 году, зрители были поражены талантом этой выдающейся кумыкской актрисы: яркая, щедрая эмоциональность, столь редкая в наше время «интеллектуального» театра, трагические взлеты и блестящий юмор, одинаково доступные ей, калейдоскоп ролей, казалось бы, противоположных амплуа.

Эта маленькая, очень моложавая женщина — живая история кумыкского театра. Театру без малого сорок лет, и весь свой творческий путь он прошел вместе с Барият — сначала девчонкой из горного аула, наперекор обычаям и законам предков пошедшей на сцену, потом ведущей актрисой, гордостью своего народа, народной артисткой Советского Союза.

Она помнит камни, которые, бывало, летели на сцену, когда она выступала в далеких аулах. Она знает славу, когда одно имя Мурадовой заставляет светиться глаза зрителей. И слава не кружит ей голову.

Бесконечен список ролей, созданных Барият Мурадовой на сце-

не кумыкского театра. Тут и героини в пьесах кумыкских авторов, и образы русской и мировой классики, воплощенные ею с непостижимой глубиной и точностью, а среди них шедевр актрисы — пушкинская Лаура из «Каменного гостя».

Барият Мурадова — поистине уникальное явление на современной советской сцене. Ее умение интуитивно почувствовать образ, найти основной эмоциональный аккорд и неведомыми путями донести всю сложность человеческой личности до зрителей достойно восхищения.

Большая актриса, выдающийся мастер, она владеет даром свое волнение передать в зал, создавая атмосферу взаимной дружеской заинтересованности в успехе.

В роли деревенской кумушки, бездельницы и знахарки Маймы из пьесы чеченского драматурга А. Хамидова «Падение Бож-Али» Барият Мурадова продемонстрировала каскад комедийных трю-

ков, стоящих подчас на грани клоунады, но светящихся внутренней усмешкой актрисы и от этого лишенных оттенка безвкусицы. А в одной из лучших работ Мурадовой — в роли жены Ходжи Насреддина — комизм характера вдруг оборачивался настоящей лирикой, когда эта странная супружеская пара среди ночи вдруг начинала самозабвенно музицировать. Смешно и трогательно: и в нищей сакле, где плачет голодный ребенок, где люди спят на тряпье и одеты в тряпье, искусство побеждает. И горят глаза Барият, когда она под музыку мужа, только что создавшего прекрасные стихи, отбивает ритм и слушает, слушает. И, наконец, Живка из «Госпожи министерши». Взорная баба, наша старая знакомая, неожиданно оказалась обаятельной особой. Дело в том, что Живка у Мурадовой воспринимает метаморфозу в своей судьбе как игру. Ей очень забавно играть эту новую роль — роль госпожи министерши. Так по-человечески, тепло могла сыграть только Барият.

А. ВОЛЬФСОН.